

The Best of Sci-Fi Classics

Philip K. Dick

Do Androids Dream Of Electric Sheep?

Мечтают ли
андроиды
об электроовцах?

Филипп
К. Дик

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Philip K. Dick
DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?

Copyright © 1968, Philip K. Dick.
Copyright renewed © 1996, Laura Coelho,
Christopher Dick and Isolde Hackett.
All rights reserved

Дик, Филип Киндред.
Д45 Мечтают ли андроиды об электроовцах? /
Филип К. Дик ; [пер. с англ. М. А. Пчелинцева]. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (The
Best of Sci-Fi Classics).

ISBN 978-5-699-90756-4

После ядерной войны Земля превратилась в пустыню, покрытую радиоактивной пылью. Немногие оставшиеся люди влачат жалкое существование в полуразрушенных городах. Рик Декарт, профессиональный охотник, получает задание найти и уничтожить нескольких андроидов, сбежавших с внешней колонии на Землю. Но постепенно Рик начинает задаваться вопросом: а так ли уж андроиды отличаются от людей? И где пролегает та граница, что их разделяет?

Культовый роман от самого удивительного писателя-философа — Филипа К. Дика!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2016
© А. Рух, вступительная статья, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90756-4

ТРУДНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Оглядывая биографию Филипа Киндрета Дика, можно с уверенностью сказать, что он был эталонным неудачником. Фактически по-настоящему ему повезло в жизни только один раз — когда из-за осложнения при родах матери умерла его сестра-близнец, а не он. Впрочем, этого Дик не простил себе до конца своих дней. Остальное — череда неудач, типичная для «непризнанного гения». Пять распавшихся браков, отказ в сотрудничестве со стороны большинства более-менее престижных (и платящих солидные гонорары) издательств, бесконечные метания между наркотиками и психиатрическими лечебницами и, наконец, смерть от передозировки амфетаминов менее чем за месяц до премьеры «Бегущего по лезвию бритвы» — фильма, давшего его наследникам все, о чем он мог только мечтать.

И все же Филип Дик прожил жизнь, которой можно позавидовать: ведь созданные им книги перевернули сознание не одного поколения читателей.

В 1964 году Дик пишет рассказ «Маленький черный ящичек». Историю новоявленного пророка Уилбура Мерсера (от английского mercer — «сострадание»), создавшего новый религиозный культ, основанный на эмпатии — способности человека сопереживать живым существам. С помощью эмпатоскопа, специального прибора, передающего эмоции, адепты нового верования могут разделить с Мерсером испытываемые тем страдания. Постепенно мерсеризм становится все более популярен,

хотя о его создателе ровным счетом ничего не известно: он — лишь образ из эмпатоскопа, человек, под градом камней упрямо поднимающийся по склону холма. Более того: дотошные исследователи, исходя из некоторых особенностей пейзажа, установили, что действие происходит не на Земле! Правительство, понимающее, что религия, основанная на сопереживании, лишает власть возможности контролировать граждан, начинает всеми силами бороться с мерсеризмом, однако он лишь приобретает все новых и новых сторонников. Что это — духовная революция или подготовка к инопланетному вторжению, — так и остается загадкой: у «Маленького черного ящичка» открытый финал.

Четыре года спустя выходит роман «Мечтают ли андроиды об электроовцах». Роман, описывающий мир, переживший Финальную Всеобщую Войну. Точнее, не переживший. Пребывающий в мучительной агонии в ожидании неминуемого конца. Мир, в котором мерсеризм стал главенствующей, а пожалуй, и единственной религией, а эмпатоскоп — обязательным атрибутом каждого жилища. Именно в этом мире, где убийство живого существа воспринимается даже не преступлением, а непостижимой патологией, ведет свою войну Рик Декард. Охотник на андроидов.

Экологическая катастрофа, приведшая к уничтожению большей части земной биосферы, вынуждает правительства всеми способами поощрять эмиграцию на только-только колонизируемый Марс. Промышленные гиганты, вроде Розеновской корпорации, наживают колоссальные барыши, делая быт переселенцев более сносным: ведь каждый, кто согласится оставить умирающую Землю, получает в дар бесценного помощника-андроида, ничем практически не отличимого от человека. Ничем, кроме одного: он — не человек. Машина, не способная испытывать эмпатию — и быть объектом эмпатии своих хозяев. Разумная, чувствующая вещь.

Стоит отметить, что Дик, вместе с большинством своих коллег по «Новой волне» американской фантастики, весьма охотно пользуется тем, что примерно в то же время братья Стругацкие сформулировали как «счастье ничего не объяснять». В отличие от своих старших товарищей по цеху, столпов Золотого века SF, тщательно обосновывающих каждое свое допущение с позиций современной им науки (отчего большинство из них выглядят сейчас довольно наивно), авторов «Новой волны» куда более интересует не мир, зачастую весьма условный, а взгляд на человека и его место в мире с необычного ракурса.

Именно поэтому множество возникающих при чтении романа вопросов так и остаются без ответа. Более того: автора куда больше интересует не логика повествования или непротиворечивость создаваемой им картины, а то, каким образом герой (и, конечно, читатель — в первую очередь читатель!) станет разрешать возникающие этические коллизии. Именно поэтому некоторые вводимые автором установки кажутся неестественными и даже надуманными. Например, одно из ключевых допущений романа — для побега с Марса андроидам необходимо убить своих владельцев. Зачем, с какой целью? Неясно. Зато последующая охота на «бедных анди» становится полностью оправданной, ведь каждый из них — убийца. Собственно, создание таких коллизий и является авторской целью. Дик виртуозно раскачивает ситуацию, повышает напряжение — чтобы, наконец, по классическому канону привести героя к катарсису.

Риску предположить — а там, где автор отказывается от должных обоснований, «читательские теории» более чем правомочны, — что в конечном счете все упирается в человеческую натуру, изменить которую не под силу никакому этическому учению. Сам Декард замечает, что «способность к состраданию возможна только у травоядных животных да, может быть, у тех всеядных, кото-

рые могут переходить на чисто растительную диету». Однако человек, пусть и перешедший на искусственный белок, продолжает оставаться хищником. В условиях, когда эмпатическая политкорректность начинает распространяться даже на насекомых, людям жизненно, биологически необходим Враг. Объект для охоты, выведенный из сферы всеобщего сострадания — и в то же время воспринимаемый в качестве полноценной добычи. И демонизация андроидов здесь действительно кажется оптимальным выходом. Не правда ли, очень похоже на не такие уж давние времена, когда из числа людей исключали то за цвет кожи, то за образ мыслей.

В самом деле. Когда-то человеком считался соплеменник. Затем — говорящий на одном языке, принадлежащий к одной религии, расе, культуре. Наконец — биологическому виду. Но предел ли это?

Кажется, ключевой вопрос романа — может ли человек в принципе распространить эмпатическое чувство на андроида? Или, иными словами, является ли искусственно созданная жизнь — жизнью? Ситуация с отношением к электронным животным, на первый взгляд, дает отрицательный ответ: зооморфные механизмы приобретаются сугубо для того, чтобы пустить пыль в глаза соседям (или, как в случае с Розеновской корпорацией, клиентам). Даже фургоны, доставляющие сломанных электроживотных в ремонт, замаскированы под ветеринарные. Именно поэтому сам факт того, что чей-то питомец является машиной, является страшной и где-то постыдной тайной. Рик Декард настолько фрустрирован тем, что его овца — не живая, что готов буквально на все ради того, чтобы заменить ее оригиналом.

Однако в тексте довольно недвусмысленно показано, что разница в отношении к настоящим и электронным животным искусственна и надуманна. Человек, не знающий, что именно находится перед ним, по умолчанию испытывает эмпатию к объекту — и лишь убедившись, что

перед ним «оно», неодушевленная имитация, отказывается от сопереживания. Особо заметно это в ситуации с совой Скрипи, которую Декард сперва принимает за живую.

Неудивительно, что постепенно Рик — в том числе и в силу профессиональной деформации — начинает испытывать к своим «клиентам» чувства, далекие от сугубо профессионального долга. Он искренне восхищается вокальными данными Любы Лофт, звезды сан-францисской оперы. Да, убедившись в том, что она один из бежавших с Марса андроидов, Декард без колебаний убивает ее, становясь еще на тысячу долларов ближе к заветной мечте о настоящем животном. И тем не менее отсутствие колебаний не означает отсутствия сожалений.

Однако — и это еще одна бомба, которую Дик подкладывает под успешного расчувствоваться читателя, — как только вокруг всеми преследуемых беглых анди начинает светиться некий ореол без вины гонимых, этакая сень хижины дяди Тома, следует одна из самых ярких сцен романа: Прис Страттон, ради забавы калечащая паука, подобранного слабоумным Джоном Изидором, на свою беду приютившим группу андроидов. И дело вовсе не в судьбе несчастного членистоногого: сам Изидор страдает от мучений своего нечаянного питомца ничуть не меньше, а тезис «андроиды — не люди, а бездушные убийцы» вновь перестает казаться неприемлемым.

Цинизм ситуации усугубляется тем, что, несмотря на то что рабы-андроиды объявлены на Земле вне закона, их более удачливые братья по конвейеру делают блестящие карьеры, достигая таких высот, на которых никакой «охотник за головами» с его тестами и пистолетами уже не страшен. Такова Рэйчел, сотрудница Розеновской корпорации. Таково руководство фальшивого, но при этом наделенного вполне реальными возможностями полицейского управления. Кто еще? Политики? Воротилы бизнеса? Всех не протестируешь. Андроидом оказывается даже главный конкурент Уилбура Состра-

дающего — телезвезда Дружище Бастер, ведущий самое популярное круглосуточное ток-шоу. И показательно, что именно Бастер взрывает бомбу под самым учением Мерсера, доказав, что взбирающийся под градом камней по склону холма старик, которому сопереживало большинство оставшихся землян, — обыкновенный актер, а казавшийся инопланетным пейзаж — всего лишь грубо намалеванный задник съемочного павильона.

Что это — месть андроидов, погоня за рейтингом, конкурентная борьба медиа или что-то еще? Ответа, разумеется, нет. Но важен ли он? Для сюжета, для мира — возможно. Для населяющих же Землю людей куда важнее не подлинность фигуры Уилбура, а те чувства, которые каждый из них испытывал, разделяя с ним посильную часть пути. Ведь шрамы от ран, оставленных брошенными во время погружения в эмпатоскоп камнями, подлинны.

И, пожалуй, это единственная реальность, в которой невозможно усомниться.

* * *

В 2005 году специалистами компании Hanson Robotics был создан робот, внешность которого в точности копирует образ — ну да, кого же еще! — Филипа Дика. Через несколько месяцев андроид загадочным образом исчез. Требований о выкупе, которых ожидали конструкторы, так и не поступило.

Разумеется, все это не более чем забавный казус, еще одна, посмертная, виньетка в причудливой вязи писательской биографии. Но знаете — хочется верить. Верить, что мир сложнее обыденных схем, что возможно всякое — если не все. В то, что именно этому андроиду удалось то, чего так и не сумели добиться его кузены. Получить свободу. Избавиться от статуса вещи.

Может быть, завести овцу.

Аркадий Рух

**МЕЧТАЮТ ЛИ АНДРОИДЫ
ОБ ЭЛЕКТРООВЦАХ?**

Окленд

Вчера умерла черепаха, подаренная в 1777 году путешественником капитаном Куком вождю аборигенов острова Тонга. Ей было почти двести лет.

В столице Тонга Нуку, в садах Королевского дворца, опочило животное, именуемое Ту'ималья.

Народ Тонга считал это животное одним из своих вождей, для ухода за ним были назначены специальные смотрители. При случившемся несколько лет назад лесном пожаре оно ослепло.

Согласно сообщению Радио Тонга, скелет животного Ту'ималья будет передан Новой Зеландии для экспонирования в Оклендском музее.

Агентство Рейтерс, 1966

Глава 1

Пенфилдовский генератор настроений разбудил Рика Декарда звонким, радостным всплеском электричества. Привычно удивленный неожиданным, без всяких предупреждений, возвращением из царства сна в мир реальный, Рик спрыгнул с кровати, одернул радужную, под стать своему утреннему настроению, пижаму и сладко, с хрустом потянулся. На соседней кровати его жена Айран разлепила светло-серый тоскливый глаз и тут же со стоном его захлопнула.

— Ты ставишь будильник своего «Пенфилда» на слишком низкий уровень, — сказал Рик. — Давай я немного прибавлю, тогда ты проснешься и...

— Не суйся в мои настройки. — (Рик совсем уже ожидал услышать продолжение: «Не мешай мне спокойно умереть», однако так далеко Айран не пошла.) — Я не хочу просыпаться.

Он сел на краешек ее кровати, наклонился и начал терпеливо объяснять:

— При достаточно сильном импульсе ты будешь рада, что проснулась, в том-то вся и штука. На уровне «С» он превзойдет защитный порог бессознательно-нежелания просыпаться, вот как, скажем, у меня.

Рик добродушно — он неизменно ставил свой будильник на «Д», а потому просыпался буквально распираемый любовью ко всему окружающему, — потрепал ее по бледному, как пасмурный рассвет, плечу.

— Держи при себе свои полицейские лапы, — поморщилась Айран.

— Я не коп, — сказал Рик, в нем поднималось не предусмотренное программой раздражение.

— Ты еще во сто раз хуже, — сказала Айран, все так же не открывая глаз. — Ты — наемный убийца на подхвате у копов.

— Я в жизни не убил ни одного человека. — Его раздражение быстро переходило в прямую враждебность.

— Ну да, — саркастически усмехнулась Айран. — Только бедных андиков, а они не в счет.

— То-то ты мгновенно тратишь все мои премиальные на первую, что попадется, дребедень. А ведь можно было бы немного пооткладывать и купить вместо этой электрической подделки, что пасется у нас наверху, настоящего живого барашка. Электрический фальшак — и это при том, что я год за годом вкалываю как проклятый, имею вполне пристойное жалованье плюс премиальные и все, до последнего цента, несую в дом!

Завершив эту тираду, Рик резко встал и направился к пульту своего «Пенфилда» с намерением набрать либо подавление таламической активности (чтобы быстро приглушить его гнев), либо

стимуляцию ее же (и завестись до такой степени, что появится шанс переорать эту стерву).

— Давай, давай, — сказала совсем уже проснувшаяся Айран. — Увеличивай свою склочность, и я тогда сделаю то же самое. Я выведу ее на максимум, и ты получишь такой скандальчик, перед которым все наши прежние склоки — просто нежное воркование. Набирай, набирай, а уж за мной-то не заржавеет.

Она подскочила к пульту и замерла, сверкая на Рика потемневшими от злобы глазами.

Так что теперь выбор сильно упрощался: либо безоговорочная капитуляция, либо полный, сокрушительный разгром.

— Я просто собирался набрать то, что нужно сегодня по графику, — соврал Рик и взглянул на график. Сегодня, третьего января две тысячи двадцать первого года, ему требовалось деловое, активное настроение. — Если я наберу по графику, ты сделаешь то же самое?

Наученный печальным опытом, он не спешил тыкать кнопки, не получив от нее ясного ответа, а то еще поставишь себе «деловое, активное» и тут же нарвешься на разъяренную фурию.

— Мой сегодняшний график включает шестичасовую глубокую депрессию с самотерзаниями, — сообщила Айран.

— Что? Да зачем тебе это? — Такая комбинация противоречила самой идее генератора настрое-